

МНОГОМЕРНЫЙ ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ КАЗАХСКОЙ ТРАДИЦИИ

Жолдубаева А.К.

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, e-mail: azar.08@mail.ru

В данной статье выделены основные подходы к проблеме человека, сложившиеся в истории казахской традиции и современной казахской философской мысли. По мнению автора, в объяснении феномена человека казахской традицией можно найти ряд толкований, пояснений, отражающих особое внимание к человеку, его духовному миру, самоценности, достоинству, чести. Именно на этой основе казахская национальная традиция получает возможность сосредоточиться на рассмотрении своего видения проблемы отношения человека и мира.

Ключевые слова: казахская традиция, человек, индивидуальность

MULTIDIMENSIONAL IMAGE OF THE PERSON IN THE CONTEXT OF THE KAZAKH TRADITION

Zholdubayeva A.K.

The Kazakh National University of a name al-Farabi, Almaty, e-mail: azar.08@mail.ru

In given article the basic approaches to a problem of the person, developed in the history of the Kazakh tradition and modern Kazakh philosophical thought are allocated. According to the author, the Kazakh tradition can be found a number of interpretation, the explanatories reflecting special attention to the person, its inner world, self-value, advantage, honor in an explanation of a phenomenon of the person. On this basis the Kazakh national tradition has an opportunity to concentrate on consideration of the vision of a problem of the relation of the person and the world.

Keywords: the Kazakh tradition, the person, individuality

Казахская социокультурная традиция, выходящая из национальных особенностей мировосприятия, выступает духовным наследием народа. В понимании проблемы человека казахская культура не есть нечто стоящее особняком от общемирового процесса разработки этой задачи. Напротив, казахская мысль, испытав на себе влияние навязываемых десятилетиями надуманных поисков идеологической классовой борьбы, и зачастую в такой форме, которая, казалось бы, не оставляла места традициям и особенностям собственно казахской духовной жизни, сохранила специфику, национальную природу, внутреннее развитие, влияние вековых традиций, преломив их своеобразную судьбу на казахской почве.

Исключительная занятость темой о человеке и его судьбе, восприятию мира и мастерства самовыражения выступают одним из самых действенных и творческих истоков казахской философской традиции – особом мире со своими свободолобивыми идеями, орнаментальным языком и колоритным рисунком. В этом поле причудливо переплетаются самые невероятные сюжеты, связанные с традициями, историей народа, тружеников, батыров, ханов; в этом сплетении особое место занимают назидания и нравоучительные повествования. Человек и общество, время и среда, свобода и равноправие, жестокость и зло, сопротивление злу и насилию, любовь к женщине, привязанность к другу, чистота разума и

чувств – в казахской традиции присутствуют именно подобные размышления. В этой же тенденции сосредоточены духовный опыт и мировоззренческие позиции, содержащие истоки своеобразного для казахской духовной мысли понимания многомерного образа человека. В объяснении этого феномена казахской традицией можно найти ряд чрезвычайно тонких толкований, равно как и объяснение этих явлений, отражающих особое внимание к человеку, его духовному миру, стремлениям, деяниям и последующему воздаянию за них. На наш взгляд, выделенные особенности национального мировоззрения, проявляясь сложным образом сквозь национальное мироощущение и миропонимание, есть основной фон казахского решения вопросов образа человека и его индивидуальности.

Высказанная когда-то Гегелем мысль о том, что «на Востоке представляют себе высочайшее состояние, которого может достигнуть индивидуальность, а именно вечное блаженство, как погруженность в субстанцию, как исчезновение сознания и, значит, также и исчезновение различия между субстанцией и индивидуальностью» [1, с. 145] получила довольно широкое признание как в отечественной, так и в зарубежной философской литературе. Нередко это высказывание имело применение и к казахскому мировоззрению.

Что же порой препятствует использованию термина «индивидуальность» при

исследовании традиционной казахской культуры? Мешают этому, на наш взгляд, два стереотипа. Первый: в родовом обществе человек не выделялся из коллектива, и индивид не может считаться полноценной самостоятельной единицей. Стереотип второй: понятие индивидуальности понастоящему сформировалось лишь в период европейского Ренессанса, и только резко индивидуалистическое содержание может адекватным образом соответствовать этому термину.

Что касается второго стереотипа, то, во всяком случае, существует возможность вести разговор об индивидуальности, исходя не только (и даже не столько) из европейско-ренессансных воззрений на предмет, но полагая основным критерием роль и место человека в данной культуре, онтологии, социуме. При этом первостепенность категории «мы» в ценностной системе не может *отменить* значения и ценности ни индивида как такового, ни человеческой индивидуальности.

Вернемся теперь к первому стереотипу. Он ошибочен в той же мере, что и второй. Индивид всегда и во всех обществах и культурах занимал одно из центральных мест и более того – служил единицей для всех важнейших классификационных систем. В подтверждении сказанного, приведем мысль крупного казахского современника Т.Х. Габитова: «Хотя в литературе сложился образ «родового человека» в качестве характеристикиномада, конкретный социокультурный анализ кочевого сообщества тюркских народов опровергает эту кальку. Ценности свободы, открытости, мобильности в номадическом социуме обусловили *выделение* (выделено нами) из общины следующих индивидуализированных типов: батыр, акын, жырау, сал, сері, баксы, би и т.д.» [2, с. 135-136].

Устранение вышеназванных стереотипов приводит нас к двум важным выводам:

Первое: Традиционная казахская культура, традиционные способы организации мира казахского общества не вырабатывали субъекта в онтологическом смысле, создавая при этом личностно-свободного, рационально мыслящего, ответственного человека, способного свободно и разумно построить свободное и разумное общество.

Второе: Традиционная казахская культура давала человеку свое общностное, общинное понимание свободы, ответственности, разума, субъективно аналогичное личностному. По другому и быть не могло, поскольку казахская культура объективно отвечала и человеческой природе, и природе вещей, какой бы объективно неразумной

и антигуманной в своих проявлениях эта культура ни была.

Исходя из сказанного, обращение к опыту казахской традиции в постановке и *решении* проблемы человека, ее неисчерпаемый духовный опыт, вечное решение вопроса: как жить? – оказывается плодотворным, поскольку казахское мировоззрение содержит в себе тысячелетний опыт глубочайшего постижения самоценности индивида. Идеи и образы, от которых веет глубокой архаикой, прорастают сквозь все позднейшие напластования и, подчас, остаются константами мировоззрения, где человек конституируется главным участником исторической жизни.

В эпическое время уже оформилось довольно четкое понятие и понимание самоценности человека, происходит процесс конституирования образа совершенного человека во взаимосвязанной гармонии духа и тела. «Еще со времен Коркыта и Асана Кайгы, – отмечает современный казахский философ Гарифолла Есим, – жизнь и смерть в философских воззрениях находились рядом. В Западной Европе это течение получило название экзистенциализма. У казахов же издревле известен обычай размышлять о жизни и смерти, бренности земного существования, неизбежности смерти» [3, с. 25]. Схожую мысль высказывает другой наш современник А.Н. Нысанбаев, характеризует национальных эпических героев как личностей, индивидуальностей, имеющих право на собственный выбор и собственную судьбу [4, с. 35].

Углубленное изучение внутреннего мира человека способствовали выделению проблематики индивидуальности, философски концентрированного выражения отношения человека к миру. О чем бы ни шла речь – о сознании, нравственности, преобразовании общества, патриотизме, осмыслении мира, – казахские мыслители, прежде всего, пытались раскрыть феномен человека. Они полагали, что без раскрытия граней человеческого существования, без постижения сущности индивида и личностного становления невозможно продвинуться к обсуждению других вопросов бытия.

Первыми учеными, обладавшими особым даром видеть иначе, чем обычные люди, – были поэты, понимающие человека как венец творения, как носителя собственной активности, способного не только к самовыделению из мира путем актов познания и понимания, но ищущие идеал в личном развитии, выходящий за рамки обыденного опыта и норм.

Понимание значения собственной уникальности, ощущение индивидуальной не-

повторимости, внутренней свободы, ценности личных переживаний – эти важные характеристики человека присущи самознанию величайшего казахского мыслителя XIX века, просветителя, национального символа казахов Абая. Размышления гуманиста о нравственной личности, идеи свободы мысли и творческой активности, глубокие раздумья о смысле жизни, вливаясь в его гуманистическое мировоззрение, нашли свои системные отражения во всем его творчестве. Мыслитель размышляет о достоинстве человека, о вере и неверии, о воспитании молодежи, о необходимости культуры и просвещения. Но все эти разнообразные мотивы сплетаются, в сущности, в единый проблемный узел – утверждение красоты человеческого духа, неисчерпаемых возможностей индивидуальной личности. С гуманистических позиций Абай ставит качественно новый вопрос – каким должен быть облик человека-борца, человека, способного изменить общество и, самое главное, себя. В этом комплексе вопросов и попытках найти на них ответы заключается, по мнению Абая, право называться Человеком.

Столкновение с этой проблемой и ее осознание изменяет жизнь каждого человека, к ней хоть раз прикоснувшегося, обрекая его на поиски не только общей для всего человечества цели, но и смысла своего собственного существования. Тот устойчивый к внешним воздействиям ответ, который человек дает сам себе на эти вопросы на основании личного опыта попыток решения проблемы, является высшим регулятором его деятельности, личностным смыслом. Принципиальные взгляды Абая сводятся к глубокомысленному тезису, нашедшему логическое оформление в стихотворении «Если думаете стать человеком»:

К порывам юные сердца зову
Я человечность ставлю во главу.
Кто корыстолюбив и бессердечен,
Тот мелкий человек по существу [5, с. 168].

Призывая любить человека, любить красоту, мыслитель рассматривает эстетическое в человеке в неразрывной связи с этическим. Человек, по мысли Абая, достигнет счастья при условии всестороннего и целостного развития своей личности, сочетающей в себе остроту и глубину разума, благородство сердца и непреклонную волю. Выпадение одного из звеньев делает человека неполноценным. В качестве примера, подтверждающего сказанное, приведем слова Абая, которые он излагает в семнадцатом слове-притче о споре Силы, Разума и Сердца, где судьей выступает Наука, при-

зывающая их к единению: «Если это произойдет, и вы сойдетесь в одном человеке, то он станет праведником ... В этом – в гармонии и чистоте человеческой жизни – и заключается смысл существования великого мира» [6, с. 37].

Воля, ум и разум (что одно и то же в понимании Абая) и чувства должны быть объединены. Но если между ними будет разлад, человек должен слушаться «сердца», т.е. веления чувства, за которыми всегда должна оставаться главенствующая и руководящая роль. Оно должно вести разум по правильному пути и правильно использовать силу воли.

Если воля есть, ум живет,
доброты же и правды нет,
впереди огонь, сзади лед,
и никак не уйти от бед [5, с. 281].

Несомненно, в этой обращенности к нравственным качествам и состоит непреходящее гуманистическое значение понимания человека Абая, в основе которого лежит идеал разносторонне развитой личности, идеал, являющийся целью культурного процесса.

Яркую манифестацию человеку представляет собой поэзия Шакарима, глубоко воспринявшего поэтическую и музыкальную стихию, исторически выработанную душой казахского народа, претворившего в основополагающих принципах своего философского мировосприятия заложенные в ней пласты верований и понятий. В центре поэзии Шакарима, как и поэтов предшествующих поколений, находится человек, который прежде всего тем и ценен, что является носителем таких нравственных понятий, как честь, достоинство, воля, разум. Сердцевина идей казахского мыслителя – духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения. Поэт не требует революционных изменений в обществе, он надеется преобразить человеческую жизнь через облагораживание души и духовных потребностей.

Пристально вглядываясь в глубины человеческой души, казахский мыслитель выделяет неповторимость и неисчерпаемость личности. Нравственные нормы и правила поведения не должны быть чем-то внешним, они должны стать глубоко личностными качествами растущего человека и только в этом случае выполняют своё назначение. Именно из совестной глубины рождается человеческое достоинство, проявляющееся внешне как честь, которая и определяет нравственные границы поведения. Достоинство утверждается в душе тогда, когда она отрешается от обольщения веща-

ми иллюзорными, осознает самоценность собственного «Я». Значит, главная цель нравственного воспитания и самовоспитания, согласно Шакариму, – необходимость формирования в человеке внутренней потребности к активному утверждению в себе высокой морали, духовности, религиозности. Именно об этом рассуждает Шакарим в своих миниатюрах «Сад подснежников», в которых ясно выражена индивидуальная авторская позиция по основным морально-этическим, нравственным проблемам, с которыми сталкивается человек в своей жизни.

В стихах Шакарима, переложенных на музыку, нашли отражение принципиальные мировоззренческие вопросы, напоминающие те, которыми задавался в свое время И. Кант: «Откуда я? Что я должен делать? На что надеяться?». Об этом Шакарим говорит в стихотворении «Явился в мир ты голышом...»:

Явился в мир ты голышом,
Уходишь – в рубище одет.
За счастьем ты спешишь бегом.
Как знать: догонишь или нет? [7, с. 55]

Размышляя над тем, что такое человек, Шакарим на основе религиозных норм человеческого видения и восприятия мира раскрывает значение нравственных понятий, которые сопровождают человека на протяжении всей его жизни: совесть, достоинство, милосердие, добродетель. Одно из стихотворений поэта-философа, в котором автор рассуждает о месте и назначении человека, индивидуальной конкретизации душевного переживания, так и называется «Что такое человек». Другое стихотворение Шакарима – «Утренний ветер, даящий душу, как Иисус...» – дает основание говорить о глубоком усвоении автора философского миропонимания, в котором ярко обозначены такие важные понятия, как личностная уникальность, значимость собственной жизни, ценность выбора собственного бытия. В образный ряд равноправно включены слова «разум», «мужество», «язык», «душа» – те духовные сущности, к которым обращается лирический герой с просьбой поддержать его в очередной попытке нравственного суда над «мертвыми», над «больным, спящим» народом, над теми людьми, которые, будучи наделенными даром свыше, под гнетом обстоятельств изменили своей миссии.

В XX столетии казахское общество претерпевает большие изменения. Новые сдвиги, произошедшие в производственно-экономических, социально-политических

отношениях привели к крупным изменениям в культуре и общественном сознании. Казахская мысль в этот период пополнилась новыми литературными произведениями, в которых получили художественное воплощение значительные просветительно-демократические идеи, ослабло тяготение к произведениям с нравственно-поучительным содержанием. Человеку нужны были произведения глубокого, многогранного содержания, которые помогли бы разобраться в запутанных лабиринтах жизни, вывести на прямую, правильную дорогу жизни. Этого требовал XX век с его ускоренным развитием, крахом старого, усложнением общественной роли и внутреннего мира человека в его многообразных связях и конфликтах с действительностью.

Не во всех трудах казахских мыслителей этого периода можно найти философские размышления об отдельном человеке, не так много произведений, которые можно было бы рассматривать как выдающиеся прецеденты человеческой индивидуальности. Большая часть их освещает вопросы социального бытия казахского народа, коллизии сознания, взаимоотношений коллектива и индивида в целом, стремление познать место человека в системе мироздания, понять и осознать сущность общественной жизни. Однако каким бы не выглядел сюжет, просветительские идеи, лежащие в основе трудов, в общей совокупности породили весомые и глобальные размышления.

Одно из таких крупных перемен было обращение к проблемам собственной деятельности, осознанию значимости индивидуальных потребностей, устремление к нововведениям, раздумьям о сущности своей жизни, свободе, самосознанию. А они, в свою очередь, затрагивая этико-моральные понятия, рождали принципы, способствующие разрешению проблем отдельного человека и норм человечности в социуме. Честность, человеколюбие, нравственная красота и совершенство облика, красота тела, содержательность жизни – вот идеалы и императивы казахской мысли XX столетия. И в зависимости от этих категорий, описываются события, столкновения, история судьбы героя, чтобы, в конечном итоге, объяснить *собственное* существование. И в этом смысле антропоцентричность казахского мировоззрения несомненна.

Казахская мировоззренческая мысль рисует картину, в которой человек не противопоставлен миру. Скорее, они находятся в отношениях тождества. С миром человека связывают неисчислимые реальные и «иллюзорные» нити. Именно на пересечении

этих связей отчетливее всего вырисовывается феномен человека, выступавший, по существу, неким стержнем, вокруг которого разворачиваются многочисленные философские сюжеты. При этом и индивидуальность, и внешний мир рассматриваются не как разрозненные социокультурные факторы, но как ценности, в зависимости от приоритетности которых, вырабатываются различные историко-культурные модели взаимодействия человека и общества.

И в первую очередь, для исследователей решение данной проблемы лежит в духовно-нравственной сфере, где человек предстает не только как существо общественное, но и индивидуальное, где неповторимость духовного развития каждого индивида есть залог успешности социума. При этом смысл духовного развития остается неизменным – освобождение человека от плена самого себя: «Очевидно, – пишет наша современница А.Н. Наурзбаева, – что ...возрастает потребность в креативной личности, которая могла быть достаточно убедительной в своем концепте индивидуальности. Если учесть, что воином был практически каждый мужчина-кочевник, то концепция индивидуальности должна была быть выстроена не только на личностно-героическом, но и на устойчивой и незыблемой позиции автономии воли и сознания, находящейся над (но не во вне) их коллективным проявлением. Подобной личности как бы делегировались полномочия генератора и выразителя коллективной воли, коллективного сознания» [8, с. 17].

В казахской мысли издавна присутствовала тема личной свободы девушек, их права на счастье, борьбы за него, побега с любимым джигитом от патриархально-родовых цепей, брака, навязанного законами деспотического общества. Во многих произведениях рассматриваемого периода этот извечный мотив нашел художественное воплощение в таких работах, как «Бақытсыз Жамал» («Несчастливая Жамал») М. Дулатова, «Қыз көрелік» («Смотрины») Ж. Аймауытова, «Қалың мал» («Калым») С. Кобеева, «Қамар сұлу» («Красавица Камар») С. Торайгырова, где осуществлен новый ракурс решения, когда выявляются причины реакционной сущности старых обычаев, препятствующих счастью молодых людей, широко освещается насилие над человеческим индивидом в сфере личной жизни. Отважные действия и поступки молодых, вышедших на борьбу против, казалось бы, несокрушимых обычаев и нравов раскачивают, пробуждают от спячки сознание человека, поднимают его, привлекая внимание

необычными, непривычными делами. Через тему стремления к равноправию, через показ борьбы женщины за свою любовь поднимались проблемы индивидуальной личности и свободной любви, человеческого сознания и достоинства, защиты человеческих прав и свобод.

Так, например, героиня романа поэта-демократа XX столетия Султанмахмута Торайгырова «Қамар сұлу» твердо решает не подчиняться судьбе и в итоге не покоряется ненавистному Жорге Нурыму. Написанный с присущей С. Торайгырову социальной заостренностью, ярко и вдохновенно, когда все симпатии на стороне молодых людей, роман вводит нас в мир сильных, чистых чувств. Нас покоряет непосредственность и открытость юных героев, мы проникаемся неприязнью к жестоким, грубым людям, топчущим светлое, доброе. Умной, красивой Камар, казалось бы, уготована достойная жизнь. Но она ввергнута в пучину страданий, прилюдно позорит насильника, и, приняв решение, кончает жизнь самоубийством. Раскрывая этот конфликт, автор с большой художественной силой изображает внутренний мир девушки, решившейся бороться за свою свободу до конца.

«Заблудившаяся жизнь» – социально-философская поэма Султанмахмута, обобщающая наблюдения лирического героя, просвещенного, мыслящего человека над окружающей действительностью. Герой, от имени которого ведется повествование, объят нелегкой думой о смысле жизни. Мир сложен и труден, не просто юноше, «вступающему в жизнь», найти свое место. В этом водовороте не потеряться бы, не утратить высокую цель, не изменить своим идеалам:

Но вечная наступит мерзлота,
Погаснет солнце.
Да луна и та
Исчезнет из небосвода.
Что же будет?.. [9, с. 112].

Несомненно, этот образ близок самому автору, отсюда поэма важна для понимания духовной эволюции Султанмахмута. Смысловый стержень поэмы – страстное желание найти свое место в круговороте истории: кто он, человек, – веточка на волне жизни или деятельная сила, способная влиять на ход общественного развития?

Образ человека в трудах М. Дулатова, Ш. Кудайбердиева, С. Сейфуллина и многих других казахских мыслителей, стремление показать индивидуальность персонажей, и их шаги, предпринятые в ее развитии, значительно отличается друг от друга не толь-

ко разными манерами, но, прежде всего, разным видением одних и тех же событий. Но во всех случаях слово автора выступает голосом индивидуальности, по-разному истолкованной в их творчестве.

Являясь автором призыва-лозунга «Приснись, казах!», М. Дулатов поставил проблему внутренней свободы человеческой личности, совершив тем самым поворот литературной традиции к частной жизни, к показу конкретного случая из драматической жизни казахского человека, в конце концов, убеждая нас в том, что в бедах человека виноват не Всевышний, а сам человек, его инертность, бездеятельность и бездушие. Так, показывая психологические процессы во внутреннем мире Жамал – героини романа «Бақытсыз Жамал» – М. Дулатов преследует цель изобразить девушку в атмосфере ее мыслей, суждений и чувств, довести до сознания читателя всю гамму переживаний героини, воспроизвести тонкости сложно развивающегося индивидуального психологического процесса.

То, что выпало на долю Акблек – героини романа «Қартқожа» Ж. Аймауытова – не каждый сумеет выдержать. В изображении ее жизненного пути, всех невзгод, перенесенных ею, отражаются глубины душевного женского мира: становление ее характера, изменения внутреннего состояния, раскрываются мотивы и силы, двигающие ее поступками. Психологический анализ, проводимый Ж. Аймауытовым, на примере своей героини показывает процессы, когда усвоенные с детства особенности характера, поведения, привычки, повадки вдруг приходят в противоречивое соприкосновение с чуждыми нравами, поступками, не соответствующими устоявшемуся пониманию. Познавшая горечь различных несчастий, испытав мучительное состояние изгоя в родном ауле, общий остракизм, Акблек, получив желаемую свободу, становится совершенно другим человеком, она становится личностью.

Асимметрия, созданная режимом прошлых лет между личностью, коллективом и обществом устранена самим ходом времени. Современная казахская национальная мысль, закрепляя достигнутое, отличается острой злободневностью своей тематики и проблематики, увеличением глубины исторического охвата, усилением внутренней взаимозависимости индивидуализма и социальности, пристального внимания к характеру, внутреннему миру человека для более глубокого уяснения истоков нынешних общественных перемен. Именно на такие заключения наталкивают сюжетные

перипетии казахской современной мысли. Ее духовно-нравственные итоги особенно ощутимы в романах, повестях, рассказах таких видных мыслителей, как А. Нурпеисов («Последний долг»), З. Кабдулов («Мой Ауэзов»), Ш. Муртаза («Луна и Айша»), М. Магауин («Я», «Рыжий казах»), С. Жунусов («Аманай и Заманай»), Х. Адибаев («Гибель Отрара»), К. Искаков («Легенда о земле Беловодья»), С. Елубай («Поклонение»), А. Тарази («Наказание») и многих других.

Приведенные примеры свидетельствуют, на наш взгляд, о значительных достижениях казахских мыслителей, углубившихся во внутренний мир человека, овладевших искусством описания его индивидуального мира, основанном на гуманизме, человеколюбии, ценности свободы и убеждении в неисчерпаемых богатствах физических и нравственных сил личности.

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что исключительная занятость темой о человеке и его судьбе, восприятию мира и мастерства самовыражения выступают в качестве духовного опыта и мировоззренческих позиций, содержащих истоки своеобразного для казахской духовной мысли понимания многомерного образа человека. Сложность непосредственного понимания казахской национальной традиции связана с тем, что ее основная логика выражена не в текстах, не в формулировке понятий, а в многогранных проекциях организации жизненного пути человека, при этом больше внимания уделяется не столько самому человеку, сколько его месту в мире и возможностям, связанным с этим. Логика и суть представлений этой философии постигаются не умственным анализом формулировок и разъяснений, а их практическим освоением, реальным живым действием.

При этом особенности казахского родового общества, первостепенность категории «мы» в национальной ценностной системе не отменяет значения ни индивида, ни человеческой индивидуальности. Тема человека в ней, по существу, срежневая, во многом определяемая движением нравственно обостренного отношения казахского человека к жизни, к самому себе, стремлением к духовному самосовершенствованию, к социальному протесту против сложившегося общественного порядка. По образному выражению авторов коллективного труда «Казахская советская литература», человек есть море, «море огромное, неизведанное. В его приливах и отливах, в его глубинной жизни, скрытой от людских

глаз, свое содержание, свои закономерности, свои тайны» [10, с. 17]. Появление не декларативной, но ясной фигуры человека выступает свидетельством тяготения казахской традиции к теме индивидуального существования не в связи с фрагментарными преходящими ценностями, а есть сосредоточение на фундаментальных, долговременных смыслах, принципах и методах организации его бытия, что делает наследие казахской мысли чрезвычайно актуальным и современным.

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. – СПб.: Наука, Ленинградское отделение, 1993. – Т. 1. – 349 с.
2. Габитов Т.Х. Соображения о тюркской философии / Тюркская философия: десять вопросов и ответов // сост.: Курмангалиева Г., Барлыбаева Г.Г.; отв. ред. Колчигин С.Ю.; Институт философии и политологии МОН Республики Казахстан; Университет «Кайнар». – Алматы, 2006. – С. 131-140.
3. Есим Г. Философия слов. – Алматы: Казак университети, 2005. – 136 с.
4. Нысанбаев А.Н. Казахская философия и универсалии традиционной культуры // Евразия. – 2001. – № 1. – С. 31-40.
5. Абай. Шығармаларынең бір тодық толық жыйнағы / в рус. пер.: Стихотворения и поэмы. – Алматы, 1961. – 375 с.
6. Абай. Слова назидания. – Алматы: Онер, 2006. – 136 с.
7. Шакарим Кудайбердиев // Антология казахской поэзии / сост., вступ. слово, пер. с каз. и коммент. Кодара А. – Алматы, 2007. – С. 195-198.
8. Наурзбаева А.Б. Гуманизм как концепт антропологического дискурса культуры: автореф. ... д-ра филос. наук: 09.00.13. – Алматы: КазНУ, 2003. – 52 с.
9. Торайгыров С. Избранное. – Алма-Ата: Художественная литература, 1958. – 168 с.
10. История казахской литературы. В 3-х т. / ред. колл.: Каратаев М. (отв.ред.) и др. – Алма-Ата: Наука, 1971. – Т. 3. – 800 с.